

К истории Великой Войны.

I.

Подготовка полководцев.

В „Военно-Историческом Сборнике“¹⁾ помещена статья А. Суворова: „Военная игра старших войсковых начальников в апреле 1914 г.“. Она содержит в себе описание упражнений наших генералов, предназначенных на роль полководцев в войне против Германии и Австро-Венгрии, в разработке ими распоряжений по руководству своими армиями на будущих театрах войны и справедливо отмечает существенные в постановке этих занятий пробелы.

Чтение упомянутой статьи вызвало у пишущего эти строки воспоминания, которые могут подчеркнуть разницу во взгляде на подготовку старших войсковых начальников, существовавшую перед войной у нас и установившуюся в армиях Западной Европы.

У нас было хорошо известно, каким образом вырабатывается умение начальников руководить войсками в германской армии, где со времен Мольтке каждый офицер генерального штаба, а следовательно и каждый будущий старший начальник, проходил практическую школу упражнений в ведении войск под руководством Начальника Генерального Штаба, а затем и в течение всей дальнейшей своей службы не выходил из поля зрения строгой критики к своей пригодности для оперативного дела.

Не менее хорошо известно было, по крайней мере в высших военных сферах, что, благодаря настойчи-

¹⁾ Выпуск 1-й 1919 г. изд. Военно-Истор. Комиссии. Москва, Пречистенка, 14.

вому руководству генерала Жоффра, подготовка будущих вождей союзной французской армии, зимой— по картам театра войны, весной и летом— на полевых поездках, на маневрах в поле с обозначенными войсками, на занятиях с применением последних успехов военной техники и, наконец, осенью на больших войсковых маневрах, вызывала ежегодно отбор элемента более способного к умению руководить большими массами войск, находившему себе поэтому место во главе крупных войсковых соединений, от лиц менее к тому способных, кончавших свою военную карьеру на должности начальника дивизии или командира корпуса.

С потрясающей очевидностью русско-японская война 1904—1905 г. г. доказала неумение наших полководцев руководить войсками во время военных действий. После этой войны появились были признаки готовности стать на путь более правильной оценки пригодности старших начальников к умению готовить войска для войны, руководить ими в условиях войны, но вскоре эти едва обозначившиеся признаки были затянута восторжествовавшей „доктриной“, нелепой, но, к сожалению, имевшей многочисленных в армии приверженцев: „возвратив войскам формы обмундирования прошлого века, обучать их прежде всего молодецкому отданию чести и прохождению церемониальным маршем, и тогда победа на войне придет к войскам сама собой, как последствие молодецкого духа войск“.

Для иллюстрации мышления некоторых старших войсковых начальников приведу приказ, отданный в период года, отводимый обыкновенно для руководства тактическим обучением войск, а именно 29 июня 1910 года в лагере под Красным Селом, командиром гвардейского корпуса, заслужившим во время русско-японской войны орден Св. Георгия 3 ст.

„В виду возбужденного вопроса, имеют ли право офицеры брить или коротко стричь усы, по моей просьбе, я получил от прокурора С.-Петербургского окружного суда следующее указание на действующие ныне законы:

„Ст. 855 кн. VII Св. В. Пост. гласит: все генералы, штаб и обер-офицеры и нижние чины всех родов войск, равно и все чиновники военного ведомства должны носить усы.

„Относительно ношения бороды постановлено: а) все генералы, штаб и обер-офицеры и военные чиновники могут носить бороду по желанию; б) могут также носить бороду и все нижние чины; в) нижним чинам войск гвардии и гренадер бород не брить.

Примечание: В 1901 г. Высочайше повелено юнкерам военных и юнкерских училищ разрешить носить усы, бороду и бакенбарды.

„От себя добавлю, что мода не должна пересиливать закона, тем более, что в данном случае мода не носить усов идет от весьма вредного источника, желающего войска отрешить от их рыцарских традиций и довести их до степени милиции.

„Российская императорская старая гвардия, стоящая в своих традициях, сумеет уберечь себя от вредных течений моды и останется на высоте ограждающего ее закона“.

Уродливый приказ этот, со своеобразной ссылкой на авторитет прокурора, вызывал смех среди молодежи гвардейского корпуса—равнявшегося по составу целой армии—но не имел никакого неблагоприятного влияния на прохождении службы подписавшего его корпусного командира, сохранившего за собой заслужившую его тогда от критики репутацию начальника, умевшего „навести в войсках внутренний порядок“.

В секретном же отчете германского генерального штаба за 1910 год появилось наблюдение над русской армией того времени, где говорилось, что в смысле обеспечения ее материальными и техническими средствами, армия эта со времени войны с Японией сделала большие успехи, „aber der Intellect fehlt immer“.

Зимой 1910 года мне пришлось быть в Вене и послушать там рассказ нашего военного агента полк. Занкевича о производившемся в ту пору, под руководством эрц-герцога Карла Фердинанда, занятиях старших войсковых начальников по подготовке к войне с Россией; к занятиям этим были привлечены все лица, предназначенные к высшим командным и военно-административным в тылу должностям; они имели длительный характер и должны были повлечь за собой, в качестве ближайших результатов,—проверку некоторых из достигнутых на военной игре выводов: *по тактике*—на маневрах, *по технике*—на опытах, *по изучению местности*—посредством рекогносцировок.

Таким образом и австро-венгерская армия прочно становилась в данном вопросе на путь, уже ранее избранный в Германии и во Франции.

Сообщив об этом по возвращении в Петербург военному министру ген. Сухомлинову и доказывая ему, опираясь на историю нашей войны с Японией, крайнюю необходимость прибегнуть к подготовке наших будущих полководцев для исполнения ими своих обязанностей в случае войны, я не встретил с его стороны возражений против целесообразности и у нас этой меры, тем более, что из всех старших начальников того времени, предназначенных на высшие командные должности, а именно командующих войсками: Варшавского округа—ген.-ад. Скалона, Виленского—ген. от инф. Мартсона, Киевского—ген.-ад. Иванова, Одесского—ген.-ад. Зарубаева, Казанского—ген. от инф. бар. Зальца и Московского—ген. от кав. Плева, он признавал способным к управлению на войне большой группой войск только последнего.

После доклада о сем военному министру в Царском Селе, на сбор командующих войсками с их начальниками штабов в Петербурге для военной игры последовало согласие, причем роль главнокомандующего русской стороной предположено было возложить на великого князя Николая Николаевича, роль главного посредника—на ген. Сухомлинова, а местом для военной игры был избран Зимний дворец.

В Главном Управлении Ген. Штаба начались подготовительные к этой военной игре работы, в которых, конечно, активное участие приходилось принять и Начальнику Ген. Штаба, полубольному ген. Гернгросу, как начальнику штаба Главнокомандующего.

К 6 декабря приглашенные лица прибыли в Петербург, прошли через линию завтраков и обедов в Царском Селе, у великого князя Николая Николаевича и у военного министра, и 9 декабря должно было состояться начало военной игры; в этот день в Зимнем дворце собрались уже начальники штабов и офицеры ген. штаба, в залах были расставлены столы с разложенными на них картами, ожидалось прибытие самих полководцев... но из Царского Села пришло распоряжение отложить производство военной игры и заменить ее стратегическим совещанием под председательством военного министра.

Истинная причина этой неожиданной отмены осталась для меня скрытой неясностью взаимоотношений между различными влияниями: военный министр ген. Сухомлинов намекал, что здесь, под флагом критического отношения к недостаточной разработке Глав. Управ. Ген. Штаба организации тыла на случай войны, сыграло роль личное к нему, Сухомлинову, недобро-

желательство великого князя Николая Николаевича, но более вероятен был другой вариант предположений, а именно, что некоторые командующие войсками, оставшись недовольными привлечением их лично к занятиям, усмотрели в этом обидное для них желание их учить, исходящее из так называемого „младотурецкого лагеря“ и в этом смысле сделали заявление „наверху“;—мне, по крайней мере, пришлось выслушать впоследствии мнение некоторых из названных ком. войсками, которые говорили, что военные игры предпринимать не следовало, ибо зачем же сажать ком. войсками по отдельным комнатам, когда проще посадить их вместе в одной и обсудить предположения в общем собрании.

Упомянутое совещание под председательством военного министра состоялось, но, разумеется, оно не могло заменить длительной и систематической работы на военной игре, которая, даже при той поверхностной организации, в которой она была проведена в Киеве с 20 по 24 апреля 1914 года, привела присутствовавшего на ней военного министра ген. Сухомлинова к следующему выводу: „Произведенная впервые в широком масштабе эта военная игра несомненно принесла весьма существенную пользу. Прежде всего она дала возможность проверить, при данной политической обстановке, правильность общих соображений при развертывании наших армий при войне с державами тройственного союза. В то же время ею удалось выяснить некоторые желательные усовершенствования в деталях развертывания каждой из армий, что дает возможность командующим войсками в округах внести необходимые частные поправки в подготовительные к войне соображения, разрабатываемые в округах. Затем этой же военной игрой удостоверена необходимость принятия некоторых мер по более обеспеченному переходу от мирного положения к военному, в смысле управления войсками и разделения пограничной территории. Независимо того, лица, принимавшие участие в военной игре, большинство коих предназначается в военное время для занятия высших должностей по управлению армиями, имели полную возможность ознакомиться в целом с условиями развертывания армии на западном фронте, что, естественно, должно способствовать установлению взаимного понимания и единства во взглядах, проводимых подготовительными к войне работами“.

Киевская военная игра, при всей поспешности ее осуществления, при отсутствии на ней углубления в сложные вопросы организации тыла, все же дала возможность сделать ценные, хотя к сожалению и оставленные без внимания, замечания, относившиеся к недостатку у нас артиллерийских снарядов и к недостаточности санитарного оборудования армий.

Военная игра, намеченная к производству, в декабре 1910 года, в ту пору, когда производился пересмотр всех норм снабжения армии необходимым для войны имуществом, могла бы при систематическом ее выполнении дать еще более широкие в этом отношении данные, которые может быть и способствовали бы устранению недочетов в организации снабжения армии на войне, оказавшихся столь для наших войск губительными.

Историческое значение Киевской военной игры заключается, таким образом, не только в том, что, будучи произведена накануне великой войны, она дает возможность сравнить существовавшие в то время стратегические предположения с действительным их затем выполнением, но и в том еще, что, в противоположность давно уже установившейся практике в западно-европейских армиях, эта военная игра

оказалась единственным совместным учебным упражнением наших полководцев на предстоявшем им ответственном пути к победам и поражениям.

А. А. Поливанов

К истории великой войны.

II.

Еще о подготовке полководцев¹⁾.

В выпуске 3. „Военно-Исторического Сборника“ помещена статья Я. К. Циховича, содержащая в себе описание операций 2. армии в Восточной Пруссии в августе 1914 года. Командующий этой армией ген. от кав. Самсонов, имея под своим начальством шесть корпусов и три кавалерийских дивизии, с общей численностью армии в 347.000 человек, из коих на боевой собственно состав приходилось около 200.000, получил от главнокомандующего северо-западным фронтом ген. от кав. Жилинского директиву, в которой говорилось:

„Противник направил большую часть своих сил на свой западный фронт против Франции. По имеющимся сведениям, в Вост. Пруссии им оставлено от 3 до 4 корпусов, и несколько резервных дивизий и ландверных бригад.

„Авангарды его выдвинуты к границе, но главные его силы находятся, несомненно, за линией озер.

„Я предполагаю перейти в решительное против него наступление с целью разбить его, отрезать от Кенигсберга и захватить его пути отступления к Висле, для чего 1. армии наступать от линии Вержболово-Сувалки на фронт Ин-стербург-Ангербург, в обход линии Мазурских озер с севера, а 2. армии — от линии Августов—Граёво—Мышинец—Хор-желе на фронт Руджаны—Пассенгейм и далее к северу во фланг и тыл линии озер.

„Таким образом наступление будет введено в обход обоих флангов противника, находящегося в озерном пространстве: 1. армией с севера, а 2. с юга.

„Во исполнение изложенного предписываю 2. армии перейти границу на всем вышеуказанном фронте конницею, где возможно поддержанной пехотой, 5 августа, а главными силами корпусов—6 августа, причем к западу от Мазурских озер от линии Мышинец—Хоржеле на фронт Руджаны—Пассенгейм и далее Раценбург—Зеебург должны быть направлены главные силы армии.

„1. армия перейдет границу на фронте Вержболово—Сувалки главными силами 4 августа и лево-фланговым корпусом будет направляться от Сувалок на Ангербург, имея заслон к Летцону.

„Неприятель на всем фронте и во всех случаях должен быть энергично, с упорной настойчивостью атакован. Эти указания не касаются укреплений Летцена, на случай атаки коего последует особое приказание.

„Линией, разграничивающей работы действий 1. и 2. армий, назначаю линию селений Липовка—Полоден—Солтанен—Летцен, причем вся эта линия считается за 2. армией“.

1. армия, составленная из трех корпусов и четырех кавалерийских дивизий, имея в своем боевом составе около 75.000 чел., находилась под начальством ген. от кав. Ренненкамфа.

Предпринятые согласно приведенной выше директивы операции двух армий, имевших в общей сложности более девяти корпусов, против 3—4 корпусов германцев, не только не поставили противника в трудное положение, но закончились 17 августа полным разгромом 2. армии, причем она потеряла из своего состава оставшимся в руки неприятеля: не ранеными пленными — 95.000, ранеными — 30.000, убитыми 40.000, громадное количество всякого военного матерьяла и в том числе 500 орудий; спаслось же из боевого состава армии всего около 170 офицеров и 10.300 солдат, которым удалось пробиться отдельными ротами и командами; при попытке пробиться через окружавшего его неприятеля погиб, при неизвестных в точности обстоятельствах, и командующий армией Самсонов.

В числе источников, коими автор пользовался для составления своей статьи, им показан „черновик отчета комиссии ген. Пантелеева, подаренный в Историческую Комиссию В. А. Анушкиным, „Расследование о гибели ген. Самсонова и 2. армии в 1914 году“.

Вскоре после катастрофы, постигшей 2. армию, было решено произвести расследование действий старших войсковых начальников во время августовских операций 1. и 2. армий, и расследование это было, распоряжением из Царского Села, возложено на пользовавшегося всегда особым доверием свыше генерал-адъютанта А. И. Пантелеева, с придачей ему для сего в помощь сотрудников из военных специалистов.

В представленном Пантелеевым весьма обстоятельном отчете, напечатанном в небольшом лишь количестве экземпляров и снабженном картами и схемами, причинами поражения 2. армии были признаны:

1) неисполнение Самсоновым основной директивы главнокомандующего северо-западным фронтом о направлении наступления армии, вследствие чего фронт наступления получил непомерную длину и разорвался;

2) сильное утомление войск, вызванное торопливым наступлением, с тяжелыми переходами и при недостатке продовольствия²⁾;

²⁾ В разговоре 12 августа по аппарату с начальником штаба фронта ген. Орановским, начальник штаба 2. армии, ген. Постовский, так характеризует состояние продовольственной части: „Армия следует безостановочно с исходного положения 8 дней, и вследствие запоздалого прибытия некоторых полевых хлебопекарен и корпусных транспортов, притом с уменьшенной грузоподъемностью этих последних, за получением одноконных, вместо парных повозок, а также в виду прибытия армейских транспортов с недостатком 40%“

¹⁾ С. 11. № 13 „Военного Дела“.

3) приказание Самсонова, отданное им 14 августа, о продолжении дальнейшего наступления, когда уже было известно, что I и VI корпуса, обеспечивавшие фланги армии, в беспорядке отошли назад;

4) пользование искровым телеграфом для передачи секретных распоряжений, которые поэтому делались известными противнику;

5) снятие 15 августа, по распоряжению Самсонова, телеграфа, связывавшего штаб армии с прочими штабами, после чего возможность управления армией почти исчезла.

Пишущий эти строки, получив от А. И. Пантелева экземпляр отчета, с просьбой сообщить свое по поводу него заключение, ответил ему:

„Вполне разделяя ваш взгляд на главные причины тяжелой неудачи, постигшей нашу 2 армию при наступлении в Восточную Пруссию, я не могу не добавить к высказанным Вами причинам этой неудачи еще некоторые, по моему мнению, существенные

„Самая идея операции, принятая в Штабе Верховного Главнокомандующего, не была в достаточной степени соображена с теми взглядами на оборону Восточной Пруссии, которые существовали в Германском Генеральном Штабе. Взгляды эти были нам известны по имевшемуся в нашем распоряжении отчету о военной игре противника в 1905 г., в указанном отчете имеется вывод, который должен был привлечь к себе особое внимание инициаторов и руководителей несчастной операции

„Вот этот вывод:

„Почти все, кому приходилось до сих пор руководить русской стороной, наступали Неманской армией между Инстербургом и Ангербургом, Наревской же армией,—в обход Мазурских озер с юга, и далее в северном или северо-западном направлении, с рздостной уверенностью, что они будут в состоянии уничтожить этим концентрическим наступлением немцев, коих предполагали сосредоточенными за левым Мазурских озер или за рекой Алис. Но они поспушно ошибались немцы, не ожидая этого маневра, отступали, но пользовались предоставляемым им случаем атаковать левый фланг Наревской армии в наиболее опасно и для нее направлении“.

„Не могу не высказать также удивления, что нашими штабами не была принята во внимание громадная провозоспособность восточно-прусских жел. дор., дававшая возможность германским корпусам быстро и широко маневрировать, о чем в мирное время мы также были хорошо осведомлены 1)

„Обращает также на себя внимание разрозненность действий 1. и 2. армий в то время когда одна армия ведет бой, другая стоит на месте или медленно наступает, не имея перед собой противника“

Печальный результат нашего наступления в Восточную Пруссию имел все же главнейшей причиной ту же самую, которая не дала нам ни одного заметного стратегического успеха в течение всей русско-японской войны, а именно — *неподготовленность наших старших военных начальников* к ведению боевых действий против хорошо обученных войск, руководимых вождями, умеющими осуществлять это руководство.

Неудовлетворительность действий наших вождей

повозок, пришлось питать армию исключительно хлебом, подвозимым с тыла из усиленных и частных хлебопекарен. Этот подвоз, при значительном удалении уходящих постоянно вперед войск от этих хлебопекарен, при скверных песчаных дорогах и при недостатке местного овса, не мог не тормозить регулярной своевременности снабжения войск хлебом, почему части съели до 2/3 своего сухарного запаса, хотя хлеб для них находится в пути. Независимо сего, нет подвоза припасов в Цехановский расходный магазин, подлежащий образованию и пополнению распоряжением интенданта армий фронта. Основывать продовольствие на местных средствах оказалось ненадежным, так как, с одной стороны, запасы в стране ничтожны, а с другой, некоторые войсковые интенданты оказались совсем не подготовленными“.

Характеристика эта дает еще одну черту в оценке неудовлетворительности в разработке подготовительных к этой операции соображений в мирное время

1) Начертание жел. дорог было таково, что позволяло перебросить на левый фланг и тыл русской армии, наступавшей с юга от р. Нарев, войска по трем сквозным мощным жел. дор. линиям.

в Восточной Пруссии была признана после этого наступления отозванием от должностей главнокомандующего северо-западным фронтом ген. Жилинского (с замечой его ген. Рузским) и командиров XXIII. корпуса ген. Кондратовича и VI корпуса ген. Благовещенского, еще до исхода боя 2. армии командующий ею ген. Самсонов отрешил от командования корпусом командира I корпуса ген. Артамонова.

Почему же и после опыта русско-японской войны многие из наших старших генералов, с высшим военным образованием и с боевой практикой, оказались все же лишенными *умения* управлять в военное время крупными соединениями войск? Ответом является соображение, их не оправдывающее, но объясняющее положение дела: наша высшая военная власть, очень скоро забыв тяжкие уроки русско-японской войны и увлекаясь все более и более декоративной стороной жизни войск в мирное время, не давала себе отчета в истинных задачах подготовки к большой войне и в то же время, ревниво оберегая в своих руках судьбу приятных ей старших начальников, невольно подталкивала многих на путь «забвения о войне и памятования о параде». На этом, главным образом, фоне была построена вся система обучения командного состава, в которой практика управления войсками в бою собственно оканчивалась в пределах дивизий, ибо корпуса, а тем более группы корпусов, сложным действиям, выпадающим на долю массы войск, уже не обучались, специальные же занятия со старшими начальниками и со штабами—как об этом уже упоминалось 1)—у нас не прививались.

Ген. Самсонов, умный, честный, спокойного характера человек, во время русско-японской войны командовал сибирской каз дивизией и имел с нею несколько небольших успехов; в 1905—7 гг. он был начальником штаба Варшавского Округа и в эти годы, конечно, мог войти в курс оперативных соображений, долженствовавших обнимать собою и вероятные действия наши в Восточной Пруссии, но с 1907 г. он занимал должности военно-административные, а именно с 1907 до 1909 гг. — войскового наказного атамана войска Донского, а с 1909 г. — туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркест. Округа, причем обе эти должности отвлекали его внимание главным образом в сторону вопросов гражданского характера. После объявления войны, его, отставшего за семь лет от работ оперативного характера на случай войны в Германии 2), не имевшего практики в управлении даже корпусом, вызвали из Туркестана, дали ему под начальство шесть неизвестных ему корпусов с неизвестным ему штабом и стали торопить наступлением в Восточную Пруссию, оборона которой давно и методично изучалась прусскими генералами и постепенно совершенствовалась путем усиления ее техническими способами.

В результате если директива для наступления, исходившая от высшего командования, отвечала той комбинации, к которой германцы особенно основательно подготовились, то исполнение этой директивы ген. Самсоновым, его штабом и корпусными командирами превзошло все их расчеты на неподготовленность русских полководцев.

Среди тяжких условий боя 14 августа в штабе 2. армии раздалось тревожное по телеграфу напоми-

1) См. статью „Подготовка полководцев“ в № 13 «Военного Дела»

2) На стратегической военной игре в Киеве 20—24 апреля, куда были вызваны главнейшие из старших войсковых начальников, предназначенных на высшие командные должности во время войны, ген. Самсонов участия не принимал.

вание командира XIII. корпуса ген. Клюева ¹⁾: «Немцы приводят в исполнение свои военные игры, буду завтра это иметь в виду для дальнейшего движения, сообщу и Благовещенскому».

Была ли доложена эта телеграмма командующему армией — неизвестно, но во всяком случае ген. Самсонов в этот день не принял решения отступить, что могло еще спасти большую часть его армии от пленения, — и тяжкое нам возмездие за отсутствие подготовки старших начальников к надлежащему руководству войсками в бою последовало.

А. А. Поливанов.

¹⁾ Ген. Клюев только что вступил в командование корпусом, а перед этим был начальником штаба Варшавского округа.

²⁾ См. „Военное Дело“ № 13.

К истории Великой войны.

III ¹⁾.

Власть, Государственная Дума и печать о подготовке у нас полководцев.

После исключительно неудачной для нас войны 1904—5 г. г. с Японией, высшая военная власть обнаружила готовность пойти на улучшения в порядке подготовки России к будущей войне: в июне 1905 г. был образован Совет Государственной Обороны, и учреждена должность начальника Генерального Штаба, а затем, в частности по улучшению подготовки к войне нашего командного состава, были приняты в том же году еще некоторые особливые меры, как-то: 1) введение, вместо единоличных аттестаций, коллегиальных, как способных более обеспечить всестороннюю сценку данного лица, 2) образование высшей аттестационной комиссии, под председательством председателя Совета Государственной Обороны, при участии в ней военного министра, начальника Генерального Штаба, генерал-инспекторов пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерной части и некоторых старших чинов армии, для рассмотрения аттестаций на высший командный состав, начиная с начальников дивизий, и для освобождения армии от тех из них, кои не могут выработаться в умелых предводителей войсками в бою, 3) проведение в 1906 г. временного, на срок до 1 января 1909 года, закона об особых добавочных пенсиях при отставке тем из прослуживших продолжительное время в строю начальникам, кои не будут аттестованы для дальнейшего продвижения вперед и 4) ограничение пребывания в должности члена военного совета 6 годами, после чего следовало увольнение от службы с достаточной по тому времени пенсией (и с сохранением всех особенностей военной формы одежды), дабы иметь возможность привлечь на места уволенных других лиц из числа опытных в военно-административном отношении, но мало полезных для войны корпусных командиров и командующих войсками округов.

В 1907 г. председатель Совета Государственной Обороны, великий князь Николай Николаевич, в составленной им записке о мерах для подготовки России к войне, между прочим, заявил:

„В уровень с усовершенствованием устройства, размещения и снабжения армии должно неуклонно, с такою же энергиею, вестись обновление, освежение и тактическая и

¹⁾ См. № 14 „Военное Дело“.

²⁾ Коллегиальные аттестации были введены в нашей армии Петром I в 1714 году, но после его смерти удержались недолго. Мысль, что единоличная аттестация начальника не всегда достаточно объективна, а главное, не всегда непогрешима, ибо аттестующий тоже человек, могущий иметь свои недосгадки, высказана была Петром I в следующих характерных выражениях: „Янус аттестует Болтина в следующий чин, а сам аттестуется Прутской акцией к абшиду. Какая же цена Янусову рассмотрению?“

стратегическая подготовка офицерского и командного состава, только соответственный всем требованиям военного искусства (офицерский и командный состав будет в состоянии из сырого материала нашей живой силы создать сильную духом, боеспособную армию и сумеет с пользой применить всю техническую часть, данную им в руки для облегчения боевых действий и всего им предшествующего“.

„Вся живая сила, составляющая массу армии, должна быть одинаково обучена и воспитана. Необходимо, чтобы директива для однообразного обучения и воспитания армии была преподана, и чтобы она правильно и одинаково применялась высшими начальниками, т. е. командующими войсками в округах. Это последнее достижимо установлением периодической проверки, насколько директива правильно усвоена и практически верно проводится в жизнь. Военное дело сложно, так как складывается из целого ряда специальных знаний. Генерал-инспекторы войск являются наиболее подходящим элементом для проверок по специальностям. Проверка служащих офицеров генерального штаба и штабов, а равно тактической и стратегической подготовки старших войсковых начальников,—дело начальника генерального штаба. Венцом обучения и проверки должны служить армейские маневры между войсками различных округов. Задания для этих маневров обязан составлять начальник генерального штаба, по известной программе, составленной на несколько лет вперед“.

Однако, по мере „успокоения страны“, после событий 1905—6 г. г., настоячивые напоминания о катастрофах русско-японской войны видимо были „верховой власти“ неприятны...

26 июля 1908 г. великий князь Николай Николаевич был освобожден от должности председателя Совета Государственной Обороны, вскоре был упразднен и Совет, а начальник генерального штаба, трудолюбивый и обладавший большими знаниями, хотя и нерешительный, ген. Палицын, был лишен права самостоятельного, помимо военного министра, руководства своей специальностью и в конце года заменен ген. Сухомлиновым.

Очередь доходила видимо и до военного министра ген. Редигера, честного и прямолинейного профессора военной администрации, и развязка наступила в связи с вопросом о высшем командном составе, лица коего ревниво оберегались избиравшей его „верховой властью“ от всякой на него критики.

Критика, с которой по вопросам обороны выступали в Государственной Думе, вызвала вообще раздражение и в крайних правых фракциях Государственной Думы, и Государственного Совета, и в правдой печати.

23 февраля 1909 года, в закрытом заседании Государственной Думы, при обсуждении представления военного министра об отпуске чрезвычайных кредитов на усиление обороны, один из видных ораторов поставил военному министру вопрос:—при тех жертвах, кои несет страна для удовлетворения надобностей военного ведомства, можно ли ожидать, что жертвы эти будут использованы лучше, нежели во время русско-японской войны, и находится ли на должной высоте наш высший командный состав, оказавшийся на этой войне столь неумелым¹⁾? Присутствовавший в заседании Думы военный министр ген.

Редигер ответил, что за последние годы были приняты решительные меры для того, чтобы освежить и улучшить наш командный элемент, но что тем не менее наших будущих полководцев нельзя пока еще признать идеальными, и приходится ожидать возможности выдвинуть вперед на старшие должности молодых начальников, среди которых несомненно имеются талантливые. Крайняя правая часть Государственной Думы на этом же заседании разразилась по адресу военного министра негодующими возгласами, а правая печать выступила затем с обвинениями его в отсутствии патриотизма.

Через две недели ген. Редигеру, по окончании его личного доклада в Царском Селе, было объявлено, что после его выступления 23 февраля в Государственной Думе он потерял авторитет в армии и должен оставить должность министра, а ожидавшему в соседней комнате ген. Сухомлинову,—что он назначается на должность военного министра, и перемена эта состоялась официально 12 марта 1909 г.

С этой поры освежение командного состава пошло более медленным темпом, подчиняясь иногда соображениям случайного характера, что же касается содержания подготовки наших будущих полководцев, то характеристика ее была дана в двух предшествующих очерках¹⁾.

В январе 1912 года орган печати, отражавший взгляды большинства Государственной Думы 3 созыва, „Голос Москвы“, в статье „Перед войной“ высказал следующие соображения:

„Вопрос о высшем командном составе, малодородность которого имел мужество признать предшественник В. А. Сухомлинова, тем самым уступивший последнему бразды правления военным министерством, настоятельно требует решения в те немногие месяцы, которые остаются до спада весенних вод и появления в Галиции и Волыни подножного корма, после чего быстрые операции крупных сил станут возможными и, к сожалению, даже вероятными.“

„Вопрос о вожах русской армии становится теперь еще острее, чем в XVII веке, когда местничество так часто приводило именитых, но неспособных и незнакомых с ратным делом бояр к командованию московскими ратями. Великий Петр покончил с этим уродливым явлением, создав целое гнездо вождей нового строя, поставив талантливого Меншикова над Рюриковичами.“

„Едва ли наше высшее военное управление в состоянии радикальным образом разрешить вопрос о высшем управлении. Если человека талантливого, стоящего только на своих ногах, убрать легко, то человек, явно неспособный и командующий тем не менее корпусом или целым военным округом, явно базируется на целом ряде зацепок“.

А вот что было помещено в одном из печатных органов, *действительно перед войной*, а именно 27 февраля 1914 года, в статье, внушенной военным министром ген. Сухомлиновым:²⁾

„Русская армия, бывшая всегда победоносной, воевавшая обыкновенно на неприятельской территории, *совершенно забудет понятие „оборона“*, которое так упорно прививали ей в течение предпоследнего периода нашей государственной жизни. *Русская армия, уже в мирное время выросшая на одну треть, состоящая из полков однородного состава, с уличенным корпусом офицеров и нижних чинов, является первой в мире, и по количественному отношению состава кавалерии, и с пополненной материальной частью“*.

Как жестоко отошла действительность от этого самоуверенного заявления!

А. А. Поливанов.

¹⁾ В издании Академии Генерального Штаба к этому времени появился уже целый ряд „Сообщений о русско-японской войне“. Сообщение о военных действиях под Сандепу заканчивалось словами: „Наши вожди отражали в себе несовершенство нашей военной системы. Наши приемы ведения войны основаны на ложных представлениях, не имеющих ничего общего с действительными, выработанными наукой“. Очерк Мукденской операции сопровождался выводом: „Бой у нас быстро выходит из упорядоченной формы, теряет идейное свое развитие и превращается в ряд бессвязных эпизодов, причем старшие начальники, уже в период завязки боя, выпускают ведение его из своих рук и ограничивают свою роль руководством только одного какого-либо участка, часто же только присутствуют на поле сражения, проезжают вдоль цепи, позируя своей храбростью, но отнюдь не вникая в условия обстановки современного боя. Нашей армии нужна прежде всего радикальная реформа, с целью приведения командного персонала в соответствие с современными боевыми требованиями и подготовкой его в уровень с нынешним развитием военного искусства“.

²⁾ См. №№ 13—14 „Военное Дело“.

³⁾ См. „Биржевые ведомости“ (вечер. выпуск) от 27 февраля 1914 года статья „Россия хочет мира, но готова к войне“.